

— Отпуск летом я не брал (или, может, брал частично, когда гостили Сашулины родители), отгуливал (или догуливал) осенью. Собирал грибы, соорудил шкаф на нашем обширном балконе - грандиозное сооружение под банки, посылочные ящики и прочий хлам, благо для этого имелось подходящее место, огороженное с трёх сторон, а материалом послужили толстая фанера от ящиков из-под ЭВМ и рейки для плитусов, увы, украденные нами с Серёжей с соседней стройки, - там они были брошены кучей прямо на улице, и тащили их кому не лень. Спёрли и мы несколько штук. И никаких угрызений совести тогда почему-то не испытывали...

— В сентябре-октябре наша мама гостила в Протвино у Любы с Жоркой, которые окончательно поселились там. Андрюшка в этот год как раз пошёл в школу, в первый класс, и в этом же году ему предстояло перенести повторную операцию мочевого канала. Мама наша, естественно, поехала договариваться об операции через Белаковского с Пугачёвым - специалистом по такого рода операциям, которого мама прямо боготворила. Люба с Жорой просили и меня к ним приехать, посмотреть, как они устроились, мама тоже, разумеется, звала.

— Я согласился, собираясь заглянуть ещё и во Владимир, навестить сынулю. Не исключено, что всё это я совместил с какой-нибудь командировкой в ИЗМИРАН, а, может, был в это время в отпуску - не помню.

— Скорее всего к этому времени по инициативе Лобачевского меня избрали в члены секции Учёного совета ИЗМИРАН по ионосфере и распространению радиоволн, и теперь я обязан был являться в ИЗМИРАН каждый третий понедельник месяца на заседания секции. Выходные перед этим понедельником я часто использовал, чтобы съездить во Владимир, когда там находился Митя, или в Протвино. Возможно, так было и в этот раз. Во всяком случае, согласно записи у мамы в блокноте в Протвино я приехал 8 октября, а 9-го уже мы с мамой отправились во Владимир.

— Протвино мне понравилось. Из Москвы, правда, добираться далековато, почти как до Владимира: с того же Курского вокзала электричкой тульского направления до Серпухова 2 часа, а от Серпухова ещё автобусом полчаса, да его надо ждать, до Владимира же 3 часа 20 минут езды на электричке. Протвино - городок при Институте физики высоких энергий, известном своим "серпуховским" ускорителем. Многоэтажные здания сравнительно нестандартной (для того времени) архитектуры разбросаны прямо в сосновом лесу. Воздух чудесный. Улиц как таковых всего лишь две, кажется. В магазинах - как в Москве, Дом Учёных, спортплощадки, новая шикарная школа...

— Квартира, которую дали Жорке, - двухкомнатная, примерно такая же как была у них в Ленинграде. Жорка стал патриотом Протвино, как я в своё время - Ладушкина. Люба, похоже, успокоилась и удовлетворилась своим новым местом и положением. Работала она инженером-дизайнером, в восторге от работы не была, но в целом ей здесь даже нравилось. Отношения у них с Жоркой вроде бы, наконец, наладились. Во всяком случае внешне всё выглядело благопристойно, и мы с мамой радовались за них.

— Из Протвино ехать во Владимир очень утомительно - шесть часов, не считая пересадки на Курском вокзале. Тем не менее мама настояла на том, чтобы поехать со мной, ей тоже хотелось навестить внука, которого она не видела с мая. Всю дорогу мы с мамой разговаривали, точнее, говорила в основном она, а я слушал. Поговорить мама любила, и это была редкая возможность высказаться передо мной с гарантией, что я никуда не уйду, буду сидеть рядом и слушать.

— Мама рассказывала о своих взаимоотношениях с Милочкой и Павлом, о своей "сестрёнке", как она её называла, Люсе Добровольской, сетовала на отца. С Павлом она, похоже, смирилась. Теперь он раздражал её реже, что мамочка ставила себе в заслугу, и, пожалуй, справедливо. То ли она стала замечать в нём достоинства, которых раньше не обнаруживала, то ли эти достоинства у него появились в результате маминой

воспитательной работы, - в любом случае её отношение к зятю уже не было таким сугубо враждебным как раньше.

— Милочке он помогал заниматься, делать курсовую, а потом дипломную работы. Это позволило ей дотянуть заочную учёбу в институте до благополучного конца - в июне следующего, 1977-го года Мила защитила диплом. Работали они оба в Гатчине, на заводе КрИзо (Красный Изобретатель), но часто ездили в командировки в Севастополь, где жили на частичном иждивении родителей, откладывая командировочные на покупку машины. Сын Ромка тоже жил то в Гатчине под присмотром матери Павла - Анны Осиповны, пожилой уже, под семьдесят, женщины, то в Севастополе под опекой нашей мамы; иногда и Анна Осиповна приезжала пожить и Севастополь, мама к ней хорошо относилась.

— Павел был заядлым мотоциклистом, сменил не одну "Яву", но мечтал о машине и копил на неё деньги. Мамин "Москвич" он водил и, главное, обслуживал вполне умело, даже на придиричивый мамин взгляд, чем снискал к себе отчасти мамину благосклонность. Сама мама чувствовала, что как водитель уже сдаёт - утомляется, не та реакция, подходит старость, и решила продать машину зятю, давно на это намекавшему, тем более что денег вечно не хватало - одни поездки к детям, внукам, сестре, брату сколько стоили! Мама рассчитывала, что машина всё равно при ней будет, но вышло иначе и теперь она жаловалась, что Павел всё лето почти машину продержал в Гатчине, оставив её без поездок с внуками на море.

— Но больше всего мама рассказывала о своей "сестрёнке" - Люсе Добровольской, и не столько о ней самой, сколько о её муже. Оказалось, что в Севастополе живёт дочь Кузнецова - последнего мужа маминой мамы, моей бабушки Александры Владимировны. Я уже писал, что среди моей ленинградской родни так уж велось, что все дети моей бабушки от разных мужей и дети этих её мужей от других жён считали себя братьями и сестрами. Так и в этом случае - мама считала Люсю сестрёнкой. Не помню уж, как они встретились. Люся работала во флотской поликлинике врачом по лечебной физкультуре, через поликлинику они, наверное, и вышли друг на друга. Мама наша, человек общительный, компанейский, с людьми легко сходящийся и увлекающийся, увлеклась знакомством с Люсей и её мужем.

— Муж Люси, отставной военный, имел хобби - делал гипсовые маски, кое-какие ювелирные работы: крестики из золота, украшения с камушками - кулоны, перстни, серьги и т.п. Дом их, по маминым словам, был завален всевозможными произведениями искусства - картинами, статуэтками, разной антикварной утварью, а сам Люсин муж казался маме настоящим художником. И ещё у них прекрасная дача и участок в Учкеевке, эту дачу опять же Люсин муж сам построил.

— И тут разговор переходил на нашего палу, которому, конечно, доставалось, поскольку он никакого сравнения с Люсиным мужем не выдерживал: ничего не мастерит, ничем не интересуется кроме работы и газет, машину не водит и не занимается ею, дачу не строит, а ей, маме, не даёт внести свой вклад в создание произведений искусства. Оказалось, что речь шла о золоте, которое нужно было Люсиному мужу для изготовления крестиков для мамы (ей хотелось иметь для себя, дочерей и Сашули), а папа не давал, и мама тайком отдала свои золотые часы, подаренные когда-то папой, а папа узнал, когда крестики уже были готовы, раскричался и обозвал Люсиного мужа жуликом и мошенником.

— Если судить по весу крестиков, то золота, действительно, вроде, бы поубавилось, но ведь есть же и производственные отходы? В конце концов, может, он и взял себе немного, что тут такого? Просто папа ничего не понимает сам в искусстве и препятствует её увлечению, и так всю жизнь, отчего она очень устала. Папа всегда был нечутким, всегда был глух к её интересам и к интересам детей, и как только она с ним, бирюком таким, столько лет прожила!

— Каждый раз, когда мама начинала ругать папу, я пытался с ней спорить. Отец, действительно, ничем кроме работы и газет особенно не интересуется, но у него масса своих достоинств - он уважаемый специалист в своём деле, маму безусловно любит (мама

тут же протестовала - кто так любит?), по дому во всём помогает, достаёт продукты, варит обеды, беспрекословно выполняет все её приказы. Наконец, он наш отец, и просто неприятно слушать, как мама поносит его почём зря.

—А Люсин муж, может, и в самом деле жулик, отчасти хотя бы. Мама чересчур доверчива и чересчур увлекается. Её представления и суждения об искусстве поверхностны по причине отсутствия образования и должного общения с настоящим искусством, за которое она легко может принять фальшивку. И папино чутьё в данном случае, может, и вернее.

—Да и не в искусстве здесь дело скорее всего совсем. Это продолжение того ещё севастопольского срыва, что-то давнее, подспудное, не до конца понятное не только что мне, но и, возможно, самой маме. В основе этой временами всплывавшей до невозможности её скрыть неприязни к папе лежала, наверное, не одна, а множество причин: разочарование, конфликт желаемого с возможным, несходство темпераментов, ощущение бесплодности своих жертв, нереализованности всех своих возможностей, просто психическая усталость, наконец, от забот за детей и внуков. Но эта несдерживаемая неприязнь, этот пусть отчасти и справедливый гнев - разве они способствовали чему-либо хорошему? И я осуждал в душе, а иногда и открыто за это маму, хотя и не имел на то никакого права. Не судите, да не судимы будете. Но тогда, в электричке я хоть временами и возражал маме, но всё же сдерживался и особенно не спорил, больше просто слушал, ведь мы полгода почти не виделись и не хотелось ссориться. Да и мама не возбуждалась, не горячилась...

—Сынуля мой во Владимире был в полном порядке, здоров, весел, очаровательный карапуз, толстячок. Через месяц я его снова навестил, о чём свидетельствуют фотографии, датированные шестнадцатым ноября 1976 года. Значит, точно, что с этой осени я стал ездить на секции Учёного совета, и каждый раз старался заскочить во Владимиру несмотря на утомительность дороги. И каждый раз в Мите обнаруживалось что-то новое. По Иринке я так не скучал, а к нему рвался - посмотреть, повозиться, побарахтаться, поползать вместе с ним под столом.

Митя во Владимире, ноябрь 1976 г.

Митя и бабуля Тоня во Владимире, ноябрь 1976 г.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)